

Θ. И. давали изобильный матеріалъ для собесѣдованія студентовъ-филологовъ между собою. Много, конечно, толковали о содержаніи и формѣ ихъ, немало и о своеобразныхъ особенностяхъ изложенія... Вспоминались многія картины, нарисованныя выпукло и эффектно, многія фразы, запечатлѣвшіяся въ умѣ слушателей и оставившія тамъ яркій слѣдъ... Словомъ, среди студентовъ толковъ и разсужденій о «милѣйшемъ» Ѳеодорѣ Ивановичѣ была бездна. Не безъ примѣси шутливаго элемента относились филологи къ нѣкоторымъ приемамъ и манерамъ Буслаева, къ нѣкоторымъ какъ бы «странностямъ» его; но таково, разумѣется, свойство молодости воспріимчивой и смѣшливой... Да и самъ Θ. И. любилъ въ своихъ лекціяхъ воспользоваться «смѣшнымъ», конечно, къ дѣлу и кстати; но тѣмъ не менѣе иногда остроумною шуткой, иногда юмористическимъ сравненіемъ, иногда анекдотомъ, возбуждалъ въ аудиторіи гомерическій смѣхъ, освѣжавшій серьезное настроеніе. Указывая на это, я не хочу сказать, что элементъ шутки долженъ быть принадлежностью университетскихъ лекцій; многіе профессора не дѣлали и намека на «смѣшное» въ своихъ чтеніяхъ, и тѣмъ не менѣе читали прекрасно; но Θ. И. любилъ, гдѣ находилъ удобнымъ, пользоваться шуткой, и мы должны отмѣтить это свойство его изложенія.

Смотря по характеру рѣчи, Буслаевъ оживлялъ ее тѣми или иными движеніями и жестами. Вотъ онъ говоритъ о чемъ либо важномъ и торжественномъ, чело его омрачается, правая рука поднимается вверхъ и какъ бы грозитъ; вотъ его слово касается чего либо презрѣннаго и отвратительнаго—посмотрите, какъ отразилось чувство гадливости на необыкновенно подвижномъ лицѣ его, вотъ онъ сказалъ о чемъ либо поразительномъ, случившемся внезапно, и смотрите—откинулся на спинку кресла, и въ глазахъ его начертано недоумѣніе...

Размѣры нашей замѣтки, къ сожалѣнію, не позволяютъ намъ сказанное иллюстрировать примѣрами; но надѣемся, что читатели понимаютъ насъ: жизнь, самая одушевленная, жизнь профессора на кафедрѣ... вотъ главное свойство чтенія лекцій Θ. И. И имѣйте въ виду: это свойство не было дѣломъ искусства, упражненія, расчета и т. п.,—оно было естественнымъ проявленіемъ склада могучаго таланта незабвеннаго нашего наставника; иначе лекцій онъ не читалъ и читать не могъ. Въ минуты особеннаго одушевленія онъ представлялъ собою вдохновеннаго жреца науки.

III.

Своеобразнаго способа изложенія лекцій держался Буслаевъ. Записанныя за нимъ лекціи не могутъ дать понятія объ этомъ способѣ, а между тѣмъ онъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ серьезное значеніе въ университетскомъ преподаваніи. Уже изъ нашихъ замѣ-